

УДК 394.011

Степанов В.П.,

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной антропологии и этнонациональных
процессов, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

**Два берега Днестра: очерковый взгляд
на историческое наследие и современное восприятие друг друга
(к вопросу о роли элиты в моделировании ценностной дистанции)**

*Исследование осуществлено в рамках реализации проекта
РФФИ 19-09-00374 «Россия - Молдова в XIV-XXI вв.: история
политических, торгово-экономических и духовно-культурных связей»*

Рассматривается роль элиты в построении ценностных приоритетов населения на двух берегах реки Днестр после вооруженного противостояния между правобережным и левобережным регионами Республики Молдова. Рассматривается проблема формирования устойчивых стереотипов через систему образования, идеологические штампы и лидеров мнений. Обращается внимание на моральную ценность истории, работающей через призму различных (клановых) сообществ. В этом случае идентичность может рассматриваться как региональный и коллективный маркер, который, если поставить его на политический уровень, становится актом целевого воздействия – силой, которая влияет, среди прочего, на формирование ценностей. Проблема антропологизации исторического наследия актуализируется. При рассмотрении ценностных приоритетов обращается внимание на проблему регионального измерения памяти, в частности, на возникающий конфликт между построением мира ценностей элитой и памятью народа (историей).

Ключевые слова: элита, конструирование идентичности, приднестровский конфликт, история, народная история.

Stepanov V.P.,

*doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of Social Anthropology and Ethnic Processes, Orel
State University named after I.S. Turgenyev*

**Two banks of the Dniester: an essay view of the historical heritage and
modern perception of each other
(on the role of the elite in modeling the value distance)**

The research was carried out within the framework of the RFBR project 19-09-00374 "Russia - Moldova in the XIV-XXI centuries: the history of political, trade, economic, spiritual and cultural ties"

The role of the elite in constructing value priorities in populations on the two banks of the Dniester river, after the armed confrontation between the right-bank and left-bank regions of the Republic of Moldova, is examined. The problem of the formation of stable stereotypes through the educational system, ideological cliches and opinion leaders is considered. Attention is drawn to the moral value of history, working through a prism of various (clan) communities. In this case, identity can be considered as a regional and collective marker, which, if put on a political level, becomes an act of targeted influence - a force that influences, among other things, the formation of values. The problem of anthropologization of historical heritage is being actualized. When considering value priorities, attention is drawn to the problem of the regional dimension of memory, in particular, the emerging conflict between the construction of value world by the elite and that the people's memory (history).

Key words: elite, identity construction, Transnistrian conflict, history, folk history.

Прежде чем перейти к изложению размышлений на заявленную тему, хотелось бы обозначить несколько тезисов, вокруг которых принципиально выстроить разговор. Некоторые из них могут показаться банальными, но они важны для наглядности представления происходящих процессов в современном сообществе Молдовы:

- с эволюцией общественных отношений роль элиты в жизни общества возрастает. Это особенно заметно в условиях постиндустриального общества, активно включаемого в охват информационным воздействием и руководствующимся ценностями потребления;

- провинциальное сознание. Оно довлеет над сообществом Молдовы, что в немалой степени предопределяет специфику поведения местной элиты;

- приднестровский конфликт на постсоветском пространстве как ни один другой демонстрирует эскалацию противостояния сверху. Иными словами, он нужен элите, причем не только внутри страны на двух берегах Днестра, но и за ее пределами, т. е. в геополитическом измерении;

- в условиях затянувшегося конфликтного синдрома в сообществе Молдовы сложились разные представления о прошлом, в том числе официальная история, причем разная на левом и правом берегах Днестра.

И наконец, в определенной степени от недоверия к интеллектуалам и элите, а также под влиянием постмодернистских тенденций, в мировом сообществе в целом, в том числе и в Молдове, повышается интерес к так называемой региональной истории, в том числе к истории личных воспоминаний.

Если схематически представить себе земли, где исторически проживают молдаване, то можно увидеть три территории: запрутскую Молдову, которая в настоящее время является частью румынского государства, Республику Молдову в ее границах, между Прутом и Днестром, контролируемую официальным Кишиневом, и, наконец, непризнанное Приднестровье, de jure относящееся к Республике Молдова, но de facto пытающееся осуществлять свое самопровозглашенное бытие.

В Запрутской Молдове молдавенизм представляет собой региональную идентичность при наличии общерумынского самосознания его носителей. Румынские исследователи изучают и транслируют его как часть общерумынского культурного наследия. Это, кстати, позволяет Румынии всех исторических деятелей, которых Республика Молдова провозгласила своим, считать соответственно принадлежащими Румынии. Такая позиция сегодня транслируется и через основную систему образования в Республике Молдова. Но об этом позже.

В самой Республике Молдова, исходя из вышесказанного, складывается ситуация, когда официальный молдавенизм сталкивается с серьезным испытанием со стороны панрумынских идеологических ценностей.

В названии самопровозглашенного Приднестровья также фигурирует выражение «Молдавская Республика». При этом многоуровневая ситуация складывается и там.

Генеральной линией официальной истории Приднестровья выступает пророссийский вектор. Этим она сильно отличается от Пруто-Днестровских районов, контролируемых Кишиневом, где с начала 90-х годов внешне продекларированный в качестве официальной идеологии молдавенизм явно уступает официальной прорумынской идее. Как справедливо отметил немецкий исследователь Стефан Ихриг: «В то время как политический молдавенизм управлял страной, румынизм преподавался в школах» [Dusacova, 2013: 105]. Сегодня Молдова пожинает плоды этой политики. Как бы то ни было, но по поведению политической элиты Республики Молдова последних тридцати лет достаточно прозрачно демонстрирует, что прорумынский вектор продолжает являться наиболее ярко выраженным явлением на фоне вялопроявляемой молдавскости. Позиция части историков о том, что Молдова второе румынское государство [Fruntașu, 2002], продолжает активно внедряться в умы молодежи через учебники курса «история румын», через лекционные курсы в высших учебных заведениях, многочисленные СМИ.

Позиция молдавенистов в Республике Молдова, несмотря на официальный статус государственности, остается нестабильной. Столь же нестабильной она является и в Приднестровье, где молдавскость находится на второстепенном положении, как это было в Советской Молдавии, где все говорили на русском языке. Но именно Россия способствовала сохранению и развитию молдавской идентичности посредством своей политики в дореволюционной Бессарабии и позже в МАССР и в МССР. Когда в 90-х молдавенисты, опьяненные чувством свободы, ринулись в море большой политики, оказалось, что место им уготовано по отработанной схеме в румынском пространстве. Наличие оппозиционного Кишиневу Тирасполя, как это не удивительно, способствует сохранению молдавинизма. Хотя в самом Тирасполе на молдавинизм смотрят неоднозначно.

Приднестровье принято рассматривать как пространство законсервированной молдавской идентичности. Но в условиях самого Приднестровья можно проследить как бы несколько схем, выстраивающих современные идентификационные ценности. Понятно, что их выстраивают интеллектуалы. Одна из них официальная – Приднестровье, территория

уникального общежития полиэтнического населения (в большинстве молдаван, украинцев и русских), которые сохраняют и изучают родные языки, при преваляции русскоязычия во всех сферах жизнедеятельности. Это самопровозглашенное государство разработало свой курс истории, который, в отличие от Республики Молдова, гораздо больше затрагивает советский период, но в силу капиталистических реалий оценивает его сдержанно критически (поясню: конечно, многое зависит от самого преподавателя, дополняющего учебники, которые, кстати, неплохие в Приднестровье и доступные для детского понимания). Но без данной поправки картина была бы уж чересчур радужной.

Здесь необходимы еще некоторые пояснения. Многие члены общества «Pro-Moldova» – организации, действующей и в Кишиневе, ведущие профессора Приднестровского университета печатают в Тирасполе книги промолдавской направленности. Книги промолдавской направленности печатаются и в Кишиневе, но их настолько мало, что они тонут в тоннах прорумынской литературы.

При этом представители промолдавской исторической школы в Тирасполе время от времени подвергаются определенной, если так можно выразиться, «встряске» [Андреевский, 2019]. В качестве примера можно обозначить ситуацию с задержкой распространения книги П. М. Шорникова «Молдавская самобытность», с недавним прецедентом в ПГУ, получившем название в СМИ «дело историков». Анализируя подобные прецеденты, порой задумываешься, что это проявление недальновидности отдельными функционерами или балансирование на пороге идентичности – вроде как мы молдавская республика, но не совсем...

Думается, такое направление, как контролируемый молдавинизм, в условиях изолированного Приднестровья сохранится как идеологическое направление в том числе в геополитических и стратегических целях. Простой обыватель «не заморачивается» на подобные дискурсы. Если он хочет, чтобы ребенок поступил в Кишиневский вуз или в румынские Яссы, он, как и житель Кишинева, берет репетиторов и готовит ребенка к поступлению. Таковы реалии и в случае подготовки к поступлению и в Москву. Но здесь мы говорим не о поведении обывателя, хотя его настроения тоже важны, речь идет о региональной идеологии, о системной трансляции историко-культурного наследия. Иными словами, можно соотнести положение русскокультурного населения Пруто-Днестровских районов Республики Молдова с современным положением молдаван Приднестровья, ощущающих себя на своей же родине явно второсортно, хотя и привычно. Приднестровье исторически отличалось распространением русскокультурных ценностей, приднестровские молдаване прекрасно владеют русским языком, используя свой родной язык лишь на бытовом уровне.

Если уже речь пошла о регионах, в нашем разговоре никак нельзя обойти юг Республики Молдова. Территорию, где исторически компактно проживают болгары и гагаузы, продолжающие оставаться симпатизантами русскокультурного вектора и создающие реальное противостояние панрумынским настроениям в Республике Молдова. К слову, выстраивание

идеологической пирамиды в Гагаузской автономии, а тем более в среде болгар, назвать законченным было бы, по меньшей мере, наивно.

Если вернуться к исторической памяти, то следует напомнить, что в Кишиневе ввели курсы «история, традиции и культура» русского, гагаузского, украинского, ромского и др. народов республики. Эти курсы читаются в местах компактного обучения детей этих национальностей. Одновременно дети, изучающие курс «истории, традиции и культуры русского народа», например, в Бельцах, на севере Молдовы, мало что знают об истории болгар и гагаузов, проживающих на юге республики. В 2015 году появился обобщающий курс «Культура добрососедства» – программа по межкультурному раннему воспитанию детей в Республике Молдова. Если подобный опыт распространится на всю вертикаль образования в Молдове, возможно, это даст со временем свои положительные плоды.

Возвращаясь к ситуации на юге Республики Молдова, необходимо подчеркнуть, что дополнительный клубок проблем в сообществе потомков задунайских переселенцев приносит неустойчивость внутривластного курса соседних с югом Молдовы территорий Украины, где также компактно проживают болгары и гагаузы. Уже несколько раз за последние годы оттуда возникали тревожные «звоночки» о возникновении национально-объединительных движений в их среде. Думается, при столь нестабильной динамике этнополитической ситуации в регионе они могут повторяться и находить свою поддержку извне.

Вообще, если в целом давать краткую оценку регионам современной Молдовы, можно констатировать, что их элита и население привыкли находиться в состоянии провинции. Почему-то часто реагируют на этот термин негативно. Но это не совсем верно. Провинциальное сознание имеет и плюсы, например, оно способствует консервации культурных ценностей, но есть и один общий минус для страны, которая по всем параметрам строит свою независимость – это неспособность самостоятельно собрать воедино свои территории, и, если так угодно, скажу более дипломатически: наладить с ними полноценный диалог. Второе, сами регионы Молдовы, не имея опыта жизни в независимом едином государстве, ищут свои центры влияния: Тирасполь – Россию, Кишинев – Румынию. Сложнее всего Комрату, он мечется между столицей Молдовы, уж очень много на ней завязано, а внешне колеблется между Россией Турцией. При этом нельзя забывать, что часть задунайских переселенцев – гагаузов и болгар – проживает в Приднестровье и в районах южной Украины. Конечно, это несколько схематичное представление действительности. На самом деле все гораздо сложнее и запутаннее.

Внешне народ Молдовы живет в условиях демократии. Но выражается она специфически. Языковые проблемы и историю политики стараются не затрагивать, чтобы не дразнить лукавого. Это очень болезненные струны молдавского сообщества, настолько болезненные, что ни у одного народа мира, насколько я осведомлен, нет гимна, посвященного языку, кстати, в силу сложившихся исторических обстоятельств явившемуся не объединителем, а разделителем населения республики на своих и чужих, ибо до сих пор в стране

немалое число жителей румынский язык¹ до сих пор не освоили. Причем как на правом, так и на левом берегах Днестра. Собственно, такой раскол и продолжает оставаться в умах, сердцах и, что немаловажно, продолжает резонировать на карманах жителей страны. Причем на левом и правом берегах ситуация весьма схожая – основная масса граждан живет за чертой бедности, сталкивается с основной массой одних и тех же проблем, поиском средств к существованию, что ведет к массовой трудовой миграции, а также к увеличению числа лиц, прежде всего, трудоспособного возраста, навсегда покидающих свою родину в поисках лучшей доли.

Обращает внимание еще один факт – отсутствие ненависти между основной подавляющей массой населения левого и правого берегов. Это, к слову, тоже часть идеологии, но здесь следует подчеркнуть – народной идеологии. Здесь не идет речь об ангажированных говорящих головах, живущих в телевизорах или участниках боевых действий с обеих сторон, отравленных войной. Речь о простых людях, которые ездят на работу, на лечение, к родственникам и знакомым, играют свадьбы, отмечают юбилеи, лишней раз демонстрируя своими повседневными действиями инспирированность конфликта и его нагнетание сверху. Самое важное в условиях современного расклада на Днестре – у народа не сформировалось чувства ненависти к соседям.

Во время пребывания в командировке в Абхазском государственном университете в 2014 г., слушая выступление ректора названного университета профессора Алеко Алексеевича Гварамия, я обратил внимание на один, на мой взгляд, немаловажный комментарий в адрес Приднестровья: «Мы должны учиться у приднестровцев – к ним долгие годы из Кишинева ездит более 80-ти доцентов и профессоров, поддерживать их университет, работать со студентами. А теперь покажите мне хотя бы одного профессора, который бы приехал к нам из Тбилиси или хотя бы одного абхаза, который бы поехал туда. Их просто убили бы. Это говорит о том, что уровень диалога в Молдове совершенно иной, чем у нас...» [Личный архив автора, 2014].

Кстати, обычные люди настолько привыкли к подобному упрощенному раскладу взаимоотношений между двумя берегами Днестра, что просто-напросто не обращают на границы внимания.

Бизнес тоже живет своей жизнью. Много писалось и говорилось о том, что официальные власти Молдовы чинят препоны приднестровскому бизнесу, который платит двойные налоги за право продажи продукции за рубеж, за молдавские разрешающие печати. Не без этого! Одновременно, можно вкусно и недорого пообедать в сети «Andys pyzza» или в «La placinte», которые расположены как в Кишиневе, так и в Тирасполе. По меньшей мере наивно звучит утверждение о том, что у этих пунктов питания разный хозяин... Продолжая подобные примеры, можно назвать возможность купить продукцию знаменитого Тираспольского ликероводочного завода «Квинт» в любом крупном населенном пункте, в районах, контролируемых Кишиневом.

Сказанное не означает, что нет проблем. Проблемы реально существуют и, что немаловажно, время от времени нагнетаются и нагнетаются сверху.

Допустимо констатировать, что сложившаяся ситуация, связанная с нестабильностью в регионе, объяснима заинтересованностью элит как на двух берегах Днестра, так и в геополитическом измерении в сохранении подобного расклада, который, по словам, прозвучавшим из уст Валерия Анатольевича Лицкая, экс-министра иностранных дел ПМР, может сохраняться неопределенно долго – 50 и более лет [Лицкая, 2020], что для истории ничего не значит, а для людей, нескольких поколений живущих в это пятидесятилетие, – это почти целая жизнь.

Писатель из Кишинева Олег Краснов в одном из своих комментариев к вопросу об учебниках истории в Молдове удачно подметил: «Каким образом в головах школьников и учителей помещался Енчиу и Назария одновременно? Ответ простой – учебник Енчиу существует только на румынском языке, а учебник Назарии – только на русском. На мой взгляд, это граничит с преступлением. При любых обстоятельствах у подростков одной страны в головах должен быть одинаковый мифологический мусор, иначе это чревато если не гражданской войной, то, по меньшей мере, расколом общества» [Степанов, 2018: 23]. Давайте простим писателю эмоции, речь идет не о мифологическом мусоре, а об исторических фактах, но в целом его замечание весьма справедливо!

Тут необходимо еще одно пояснение. Было бы категорически неверным призывать оценивать прошлое одинаково. Это ни к чему хорошему никогда не приводило. Одним из серьезных двигателей научного поиска истины является дискуссия. В отдельных случаях она даже может выноситься на страницы учебников, демонстрируя неоднородность подходов к той или иной проблеме, но, в целом, концептуальный взгляд на проблему освещения историко-культурного наследия должен быть унифицируем, для связи прошлого и будущего, для стабильного развития общества. Давайте задумаемся, если это не делается уже тридцать лет, наверное, это тоже кому-то выгодно. И вряд ли это нужно пенсионеру из села Буджак или врачу с кишиневской Ботаники. То, что в Республике Молдова явные проблемы со взвешенной оценкой исторического наследия – это не сказать ничего. Буквально с развалом Союза кишиневские интеллектуалы стали активно критиковать русское наследие и советский период в истории Молдавии. В результате люди среднего и старшего возраста, в том числе приехавшие в республику как специалисты, оставившие свой вклад в развитие различных отраслей жизнедеятельности края, в одночасье оказались в статусе оккупантов. Им и до сих пор время от времени напоминают об этом с экранов местных телеканалов, обвиняя, в частности, в том, что они не выучили государственного языка. Произошел поколенческий раскол ценностей. Исчезло уважительное отношение к наследию еще живущих старших поколений людей. Даже такое святое понятие, как участие в борьбе с фашизмом в ходе Великой Отечественной войны, которую в учебниках Кишинева принято назвать Второй мировой, подвергается спекуляциям, в силу того, что исторически население края призывалось как в румынскую армию, так и в советскую. Это позволяет отдельным интеллектуалам и политикам нечистоплотно фальсифицировать историю недавнего прошлого. Доходит до того, что начинают оправдываться

откровенно фашиствующие в годы войны деятели, вроде кондуктора Иона Антонеску [Майя Санду об Антонеску, 2018], погубившего тысячи евреев, цыган и молдаван в Бессарабии и Левобережном Приднестровье. В связи со столь однобоко-негативным отношением к истории русского и советского периодов в судьбе Бессарабии деятельность академического института истории в Кишиневе превратилась, по сути, в политологический центр по развенчанию исторического наследия советского времени.

Тут важно расставить акценты. Конечно, необходимо критически оценивать прошлое, но когда оно просто выбрасывается как ненужный элемент, а вместе с ним выбрасывается на помойку истории все зрелое население страны, которое так или иначе участвовало в этой самой истории советской повседневности, то о каком, простите, диалоге, не то что между Кишиневом и Тирасполем, а элементарно в межпоколенческом плане может идти речь?

Взгляд на культурное наследие в маленькой Молдове весьма неоднороден. Потому так по-разному оценивают это самое историческое прошлое люди, живущие в одной стране, говорящие на разных языках. Возможно, в том числе и поэтому в республике можно проследить тяготение к региональной истории. Речь идет о появлении книг краеведческой направленности, которые пишут о своих родных населенных пунктах не только историки, но и врачи, учителя, агрономы. Особым спросом стала пользоваться так называемая устная история. Это направление только набирает обороты. Но несмотря на моду на него не только в Молдове, но и в Европейском сообществе, оно не может заменить так и не сложившуюся общегосударственную концепцию исторического наследия. Кстати, проблема общего учебника о культурно-историческом наследии актуальна не только для современной Молдовы, не менее актуальна она и для стран постсоветского пространства. Последствия смены системных ценностей еще долго будут резонировать в умах и сердцах.

В этнической политике не существует устоявшихся клише решения накопившихся проблем. Каждая страна по-своему уникальна. Республика Молдова не исключение. У нее сохраняется еще не исчерпанный запас доверия на уровне простого населения, наличествует и такой фактор, как социальная усталость.

Одновременно присутствует маргинализация сознания масс сверху, дефрагментация общего культурно-исторического наследия, присутствует сегментарность образования, посредством трансляции дозированной целенаправленной информации о прошлом с формированием его оценочного восприятия у обывателя, причем в черно-белых тонах, без многоликой палитры прошлого.

Конечно, роль элиты и интеллектуалов в формировании комплексного видения прошлого, которым нужно и важно гордиться, а не выделять в нем лишь негативные стороны, велика. Главное, чтобы так сложился пазл времени, чтобы понимание этого мотивировало бы элиту двух берегов Днестра испытать потребность в объективизации оценок прошлого, не говоря уже о конструировании общих идентификационных ценностей. Пока, увы, этого не наблюдается.

Примечания

1. В Республике Молдова между молдавенистами и румынистами все годы независимости продолжают идти активные споры о праве называться государственному языку молдавским и вообще о допустимости существования молдавского языка, отличного от румынского. Не вдаваясь в подробности проблемы, можно констатировать, что за последние уже более чем тридцать лет система образования и науки молдавского государства, в которой, особенно в среднем звене преобладают румынисты (министры от разных партий приходят и уходят, а исполнители меняются гораздо реже), было сделано и продолжает делаться немало для того, чтобы язык Молдовы стал абсолютно идентичен румынскому. Особенно это ощущается в молдавской столице.

Список литературы и источников

Андриевский, 2019 – *Андриевский В.* В Тирасполе разгромлена “Кишиневская школа историков” // Информационно-аналитический портал ava.md. [Электронный ресурс]. URL: <https://ava.md/2019/03/15/v-tiraspolerazgromlena-kishinevskaya/>, (дата обращения 29 сентября 2019).

Лицкай, 2020 – Валерий Лицкай: «Мельница должна крутиться, это – основа дипломатии»// <https://kommersantinfo.com/4831/valerij-litskaj-melnitsa-dolzha-krutitsya-eto-osnova-diplomatii.html> (дата информации: 27.07.2020; дата обращения: 17.09.2020).

Личный архив автора, 2014 г.

Майя Санду об Антонеску, 2018 – Майя Санду об Антонеску//<https://www.youtube.com/watch?v=OMQWaKwDgyk> (дата обращения: 28.09.2018).

Степанов, 2018 – *Степанов В. П.* Русский Конгресс действует. Очерки истории русского этнокультурного движения в Республике Молдова. Кишинэу: Б. и., 2018 (Ф.Е.-Р. ”Tipografia Centrală”). 524 p.

Dusacova, 2013 – *Dusacova N.* Ethnic and civic identity in the Republic of Moldova: the view of occidental experts // *Revista de Etnologie și Culturologie*. Vol. 13-14. Chișinău, 2013. p. 105.

Fruntașu, 2002 – *Fruntașu I.* O istorie etnopolitică a Basarabiei: 1812-2002. Chișinău: Cartier, 2002. 592 p.

Spisok literatury i istochnikov

Andrievskij, 2019 – *Andrievskij V.* V Tiraspole razgromlena “Kishinevskaya shkola istorikov” // Informacionno-analiticheskij portal ava.md. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ava.md/2019/03/15/v-tiraspolerazgromlena-kishinevskaya/>, (data obrashcheniya 29 sentyabrya 2019).

Lickaj, 2020 – Valerij Lickaj: «Mel'nica dolzhna krutit'sya, eto – osnova diplomatii»// <https://kommersantinfo.com/4831/valerij-litskaj-melnitsa-dolzha-krutitsya-eto-osnova-diplomatii.html> (data informacii: 27.07.2020; data obrashcheniya: 17.09.2020).

Lichnyj arhiv avtora, 2014 g.

Majya Sandu ob Antonesku, 2018 – Majya Sandu ob Antonesku//<https://www.youtube.com/watch?v=OMQWaKwDgyk> (data obrashcheniya: 28.09.2018).

Stepanov, 2018 – *Stepanov V. P.* Russkij Kongress dejstvuet. Ocherki istorii russkogo etnokul'turnogo dvizheniya v Respublike Moldova. Kishineu: B. i., 2018 (F.E.-P. "Tipografia Centrală"). 524 p.

Dusacova, 2013 – *Dusacova N.* Ethnic and civic identity in the Republic of Moldova: the view of occidental experts // Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. 13-14. Chișinău, 2013. p. 105.

Fruntașu, 2002 – *Fruntașu I.* O istorie etnopolitică a Basarabiei: 1812-2002. Chișinău: Cartier, 2002. 592 p.